

ДЕНИС КАЗАЧОК

18+

**Я – КАЗАКЪ,
ИЛИ В ПОИСКАХ БОГА**

Денис Казачок

Я – казакъ, или В поисках Бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55329520

ISBN 9785449879189

Аннотация

Книга представляет собой очерк – воспоминания и размышления в виде дневниковых записей. Описываемые события происходили летом 2014 года на территории России и Луганской Народной Республики. Автор в качестве добровольца самостоятельно отправляется на Донбасс. По воле случая он попадает в специальный центр обучения и подготовки развед-диверсионных групп, расположенный недалеко от границы с Украиной... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Я – казакъ, или В поисках Бога	5
Предисловие	6
Начало	8
Ростов	16
Учебный центр	21
Ейск. 726	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Я – казакъ, или В поисках Бога

Денис Казачок

© Денис Казачок, 2020

ISBN 978-5-4498-7918-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я – казакъ, или В поисках Бога

Очерк

Предисловие

– Ты часами смотришь этот «Камеди клуб». Зачем ты это делаешь?

– Смешно!

– Но ты так долго это делаешь, что уже не смеёшься. Так зачем?

– Отстань, я убиваю время.

– Убиваешь время? Оно что, тебе совсем не нужно?

– Не нужно...

Я с детства ненавидел людей! Ненавидел за слабость и грязь. Когда другие мальчишки мечтали о путешествиях по экзотическим странам, я мечтал быть мстителем или палачом, наказывать грешников, выжигать каленым железом гниль в человеческих сердцах. Себя бы я сжёг в первую очередь. А потом вернулся бы и продолжил. Мне хотелось разрушать. Разрушить весь этот мир! Казалось, что весь человеческий мир безнадежен.

Однажды один умный человек сказал мне, что весь этот юношеский экстремизм – просто крайняя степень богоискания: «Нет, это не болезнь. Ты просто романтик. Разрушив мир, ты хочешь взглянуть на то, что останется. Убрать всё, на что отвлекается внимание человека, всё временное, и оставить только Вечное. Ты хочешь найти Бога!»

Мой добрый читатель, перед вами не роман-приключе-

ние и не повесть, рассчитанная на широкий круг читателей, а скорее записки молодого человека о самом себе. Может быть, это всего лишь моя фантазия, с которой я так свыкся, что теперь уже и сам не в силах отделить правду от вымысла. А может быть, это правдивые события с реальными людьми. В любом случае имена героев вымышлены, а какие-либо совпадения случайны. Было ли это именно так, как я описал, теперь уже знает только один Бог.

Все переживания и чувства показывают только моё личное отношение к людям, событиям и тому времени. Это как будто диалог с самим собой. Впрочем, я так часто оставался наедине с самим собой, что привык рассуждать вслух, как будто к кому-то обращаясь. Я никогда не вёл дневник, а сейчас, просто копаясь в своей памяти, вытаскиваю из неё отдельные кадры, как фотографии из старого альбома. Так я пытаюсь разобраться в себе и ответить на некоторые волнующие меня вопросы. Покрутите ли вы пальцем у виска в конце прочитанного или одобрительно кивнете – это ваше личное дело. А мы...? Мы все – герои своего времени.

Начало

Странствуя по свету, я не закрываю глаз.
О. Генри

Сейчас, вспоминая события 2014 года, я как будто возвращаюсь обратно в то время. Прошлое становится настоящим, и мне снова 35 лет.

Меня зовут Денис, Денис Казак. Казак – это прозвище. Жил я в маленьком, но древнем городе – Великом Новгороде. Когда Крым стал «нашим», я трудился в охранной фирме юристом и все крымские события наблюдал по ящику и интернету. Во всех группах «ВКонтакте» патриотично и искренне радовались изменениям, переменам. «Перемен требуют наши сердца», – как пел Виктор Цой. Всплеск пассионарности!

Казачьи группы были полны героических фотографий на фоне российских флагов и севастопольских пейзажей. На всех участниках были кубанки и зелёные брезентовые костюмы. Уже потом я узнал, что этот зелёный костюм стал символ крымской весны и называется «горка», аккуратная шапка из овчины или каракуля – кубанка – символ казака, его основной отличительный знак. Надел кубанку – значит казак!

Читая интернет-новости о казаках в Крыму, я откровенно

им завидовал. Совсем недавно осознав себя казаком, – в нашей семье сознательно умалчивали о принадлежности к казачеству и «Белому движению» – теперь я всеми способами стремился показать свою принадлежность к этому великому народу. Ношу кубанку – сам сшил! – на груди куртки нашивка «Российское казачество». Занимаюсь верховой ездой на лошадях. Смотрю фильмы про казаков, песни тоже только казачьи. Одним словом, казак! Но всё это бутафорское. Я это чувствовал и в глубине души испытывал угрызения совести, когда слышал реплики про *ряженных казаков*. Успокаивал себя только тем, что один из моих прадедов всё-таки был настоящим казаком и сложил свою буйную головушку за счастье своего казачьего народа.

Завидуя парням в новеньких «горках», я закисал в нашем тихом городке, где ни казаков, ни флагов, а до Крыма, как до Берлина. Особенной радости по поводу «присоединения» я среди новгородцев не заметил. Нет, противников тоже не было, но как будто всем было всё равно. Город жил своей обычной полусонной жизнью, далекой от великих геополитических свершений.

Потом появился Стрелков и город Славянск; бородатый казак в чёрной папахе по прозвищу Бабай с автоматом в руке и георгиевские ленточки как символ «русского мира» – это закипел Донбасс. Но по телевизору совсем коротко освещали эти события. Пропаганда ещё не включила себя на полную мощность. Россия только вступала в мировую информа-

ционную войну. В интернете, наоборот, можно было увидеть ежедневные сводки с Новороссии (новое название Донбасса, тех районов Донецка и Луганска, которые не приняли Майдановский Путч в Киеве и объявили себя самостоятельными). Должна была повториться история с Крымом. Должна... но не повторилась! После мирных демонстраций на улицах Донбасса появились баррикады, на дорогах – бетонные плиты, балаклавы, автоматы.

Из местных жителей Донбасса стало формироваться ополчение для защиты от агрессивного произвола и нововведений националистически настроенной силы, которая захватила власть в Киеве и начала борьбу со всем русским в стране. И вот уже первые убитые – первые жертвы! Потом ещё и ещё – трагедия набирала силу, как снежный ком.

Женщины и старики. Фото крупным кадром на весь экран: человеческие тела на улицах, убитый мужчина в шлёпках и старых спортивках, мёртвая женщина с задравшейся юбкой и оголившимися белыми бёдрами – без лица. Длинные волосы струятся по асфальту, а лица нет: вместо головы каша из мозгов, кожи и волос. Они кажутся ненастоящими! Куклами! Я сотни раз видел смерть и мёртвых людей в кино: в фильмах про войну и в боевиках (сейчас любят показывать смерть – это пользуется спросом). Но там смерть показывают как будто по-настоящему, а здесь... Нет! Я не верю! Я не верю, что это лежат реальные люди. В одном из обычных городков, где жили обычные люди, играли дети

на улицах, бабушки мирно сидели на своих лавочках, сейчас лежат трупы.

Судя по интернет-сводкам с Новороссии, там всё жарче и жарче. По жителям и ополчению работает «Град» (для тех, кто не знает, это реактивная система залпового огня, современная модификация «Катюши» времён Великой Отечественной войны) и даже бомбардировки авиацией. По городу стреляют из пушек крупного калибра. Пушек! Вы понимаете, что происходит?

Стрелков, один из первых лидеров ополчения, выступает с призывом о помощи: «У нас нет людей! Есть оружие, есть патроны, но нет людей! Защищать город некому!» Сразу вспоминаю советский мультик «Тайна третьей планеты» и робота с планеты «Железяка»: «Де-е-ержаться нету бо-о-ольше сил! Де-е-ержаться нету бо-о-ольше сил!» Под впечатлением от увиденного и услышанного во мне зарождается желание быть *там*.

Я не служил в армии. В семнадцать лет был осужден по статье за умышленное убийство на десять лет – вместо гордой службы в войсках специального назначения становился мужчиной уже в лагере общего режима. Моё знакомство с военной наукой было краткосрочным: ещё до получения срока, находясь в розыске по подозрению в совершении одного из своих преступлений, я, по просьбе моего товарища, – за вознаграждение, конечно, – опять же, скрываясь от правоохранительных органов, пошёл служить вме-

сто него. Месяц службы в 329-м ооСПН, и на присяге меня опознают бдительные граждане. Так и закончилась моя армия. Дело замяли по-тихому. Позже я, может быть, вспомню и об этом периоде моей жизни поподробнее, а также о всех моих играх в соловья-разбойника.

До сих пор я жалею о том, что так и не стал тогда десантником. Десантником был мой отец, десантником был мой дядя, десантниками стали многие мои бывшие друзья. Я же, в конце концов, стал юристом с профилем работы в охранных структурах и опытом малолетнего уголовника.

Я всё больше и больше думал о Донбассе. Да, я хотел быть там! Я созревал, как созревает плод. В мае начал искать контакты. Это было не так просто – люди боялись. Может, провокаций, может, ещё чего (уголовного наказания за наёмничество или организацию незаконных вооруженных формирований никто не отменял). Казачьи общественные организации молчали. Официально добровольцев никто не собирал. Я разместил объявления в казачьих группах «ВКонтакте», просил помочь мне выйти на ополчение. И вот появилось несколько сочувствующих товарищей, завязалась переписка. Мне объяснили, куда можно приехать в Ростове, скинули несколько мобильных номеров людей, занимающихся этим вопросом. Одним из таких сочувствующих был Андрей Наливайко – запорожский казак, он приглашал меня в Мелитополь (это Украина), обещал встретить на вокзале. Через несколько дней ещё один доброжелатель скинул

мне ссылку на какой-то украинский сайт. Там была статья о «бедных зомбированных казачках», которые едут умирать на Донбасс добровольцами. Название не помню, что-то там про «колорадских жуков», а по центру моё фото, скопированное с моей же странички «ВКонтакте». Я тогда ещё не знал смысл слова «колорадский». Автор этой статьи был тот самый А. Наливайко. Свою страницу «ВКонтакте» он для меня закрыл. Такие вот братья-казаки поджидали меня на *той* стороне!

Все мои друзья уже знали, что я собираюсь на войну. Шутили, всерьёз никто не воспринимал. Где Славянск, а где Новгород? Я потихоньку собирал вещи: одежда, бронник, берцы, сухпаёк и так далее, даже палатка. Я готовился к автономному существованию и, видимо, к подвигу. Мне казалось, что главное – попасть туда, а там... Там мне все сразу обрадуются, обнимут и дадут автомат, а потом... за что-нибудь героическое – медаль. Домой я вернусь на белом коне.

Я гулял по весеннему городу и уже представлял себя героем ополчения. В центральном парке возле Новгородского кремля какие-то казаки (а у нас в городе их немного) устроили гулянья: песни, пляски, кулачные бои стенка на стенку, уха на костре. Все по справе – так называется национальный казачий костюм: на груди ордена и медали. Как же так? Там – беда! А вы здесь танцуете, поёте, вся грудь в медалях! Ряженные!

Я был зол. Я с ненавистью смотрел, как они красуются

и радуются жизни. Для меня общество разделилось на две части: на тех, кто с Донбассом, и тех, кто сейчас танцует. Это не казаки! Всё! Хватит! Бросаю работу, бросаю всё.

Отъезд я запланировал на первые числа июня. До Ростова, там созваниваюсь. Встречаюсь. Мне помогают перейти границу. И я на месте.

За три дня до отъезда я познакомился с Дашей. В кафе. Я поймал её взгляд, и мы долго смотрели друг на друга. Кареглазая, темноволосая. Она была именно такая, какой я её себе представлял. Иногда, задумываясь, я рисовал в своём воображении именно эту девушку. Настоящая казачка! Она стояла и курила на улице. Я подошёл. Наши глаза снова встретились. Мы молчали. И мы так много друг другу говорили! Мы слегка касаемся друг друга нашими душами. Я вижу её – она видит меня. Как будто всё внешнее исчезает, как мираж, и остаются только наши души. Время замирает...

– Разве ты не знаешь, что курить вредно?

– Знаю, больше не буду.

– Меня зовут Денис. А тебя?

– Даша. Дарья.

– Давай сегодня вечером встретимся, я скоро уезжаю, у меня совсем нет времени на ухаживания.

– А куда ты уезжаешь?

– На войну. На Донбасс.

– Зачем?

– Я казак! Я должен быть там. Там люди погибают... Там

война.

– Странно.

– Чего странного?

– Я сегодня видела тебя во сне...

– Не может быть! Правда?

– Вот так! Прикинь....

Три дня мы провалились в постели. Так страстно, как будто в последний раз. У неё была нежная бархатная кожа. А запах волос! Я погружался в этот запах, я погружался в её волосы и снова возбуждался. Нет ничего прекраснее запаха *твоей* женщины. Женщины, они ведь все, все пахнут по-разному.

Проводы на перроне, отходящий вагон, любящий взгляд, слеза по щеке, синий платочек... Строчи, пулемётчик!

Мне хотелось, чтобы меня кто-то ждал. И чтобы это была именно *моя* девушка. Всплеск романтики! Иллюзия оставленного счастья! Я этого хотел, и я это получил. А было ли всё это по-настоящему? Не знаю, но Дашка меня так и не дождалась.

Ростов

Ростов-город, Ростов-Дон!

Синий звёздный небосклон.

Улица Садовая,

Скамеечка кленовая —

Ростов-город, Ростов-Дон!

А. В. Софронов

Я люблю тебя, Ростов. Из всех городов, что мне довелось видеть, этот самый лучший. Я люблю Ростов.

Я радовался Ростову, а Ростов радовался мне. Своей архитектурой и старыми домами он напоминает мне Питер. Только Питер более серый, пыльный. Как говорит один мой знакомый: «Хочется взять тряпку и смахнуть с него пыль».

Ростов пылает красками, зеленью, парками. Сколько в Ростове парков? Десятки! А люди? Добродушные, весёлые люди. Много говорят и общаются с тобой, как с давним знакомым. Говор! Вы слышали ростовский говор? Да, вы знаете ростовский говор, его ни с чем не спутаешь! Замираешь, когда мимо проходит компания очаровательных молоденьких красавиц, и невольно улыбаешься, когда слышишь их ростовский акцент. Это ростовские девчонки!

Здесь шумно на улицах. Не умолкают сигналы автомобилей. Нигде больше ты не услышишь такого гудения. В Ростове водители общаются исключительно при помощи гуд-

ка. Пропускаешь, поворачиваешь, тормозишь, едешь – всегда гудишь. Это Ростов!

А ещё музыка. Я люблю громко слушать музыку в машине. Для Новгорода довольно громко, но не для Ростова. В Ростове музон врубают для всех. Неважно, на чём ты. Из каждой машины звук на максимум и все стекла опущены. Даже в три часа ночи. Это Ростов!

Недавно привели в порядок набережную на Дону. Вечером здесь гуляет весь город. Свидания, встречи, просто побродить? Тогда вам на набережную.

Уличная торговля. В наших северных городах такого уже не увидишь. На раскладушках, табуретках, просто асфальте или траве торгуют всем. Люди просто выходят на улицы, выносят что-то выращенное, сделанное или просто уже ненужное и продают. Мне кажется, это уже традиция такая, потому что о прибыли серьезно никто не думает, и вещь ты можешь приобрести почти даром. Главное – это общение. Таким вот я увидел Ростов и сразу полюбил этот город.

Ростовский железнодорожный вокзал был переполнен беженцами с Украины. Оставив свой огромный 35-килограммовый баул в камере хранения, я пошёл искать гостиницу. Покрутившись вокруг ж/д вокзала, я вышел на Большую Садовую и почти сразу нашёл то, что искал. Гостиница «Аксинья», пятьсот рублей за место в двухместном номере. Обещали даже никого не подселять. Разместился. Набрал указанные номера – из четырёх ответил только один. Рассказал,

кто я и чего хочу. Сказали, что мне перезвонят.

Перезвонили. Пожилой голос рассказал, что границу в настоящее время перекрыли «нацаки» (бойцы националистических украинских батальонов) и добраться до Донецка или Луганска нереально:

– Была лазейка на Изварино, но и там сегодня с утра всё перекрыли. Попробуй сам пройти через погранпост.

– Сам? Куда я пойду? У меня баул 35 кг, а там всё: камуфляж, бронник, берцы – меня по-любому с этим схапуют.

– Да, будь осторожней. Ничем больше не могу помочь, братка. Обстановка меняется каждый день, вчера ещё свободно ходили, сегодня – всё! Капец!

Ну вот и всё, звонить больше некому. Мне было, о чём задуматься. Я остался один в незнакомом городе. Денег со мной было немного, хватит на несколько дней. Оплатил гостиницу на три дня. Позвонил товарищ с Новгорода. Послушал о моих неудачах, посоветовал не чудить и возвращаться: «Ты уже всё всем доказал». Я сказал, что просто так не вернусь и, если не произойдёт чудо, пойду через границу сам. Он рассказал мне, что слышал, как там пропадают люди, их разбирают на органы.

– Жуть! – пугает меня.

– Делать нечего, пойду хотя бы посмотрю город.

Я гулял по Ростову, наматывая километры вдоль и поперек. Побывал на Дону. Дон-батюшка! Искупался первый раз в этом году. Ростовчане купаются на «Зелёном острове» –

там пляж.

Ладно, поищу казаков. Ростов ведь центр донского казачества. А я – донской казак! В Новгороде, где у нас десять казаков на весь город, я грезил о Ростове, представляя здесь казаков в папахах на улицах, и всё по-казачьи, всё пропитано казачьим духом и казачьими традициями.

Однако три дня моих поисков ни к чему не привели, и, кроме магазина «Казачья лавка» с безумными ценами, ничего казачьего я больше не увидел. Купил себе значок – донской флаг. Триколор: синий, желтый, красный. Повесил на грудь. Гуляю по набережной, люблюсь Доном. Фотографирую. У девчонок, о чём-то живо беседующих, спрашиваю, не видели ли они где-нибудь здесь казаков. Не видели! Потом вдруг показывают мне пальцем за спину. Поворачиваюсь – казак! Кубанка на затылке, спортивные штаны с красными лампасами. Мой ровесник гуляет с маленьким пацаном, наверное, сыном. Познакомился. Так и есть, зовут Роман. Сразу рассказал ему о себе, зачем я здесь. Рома сказал, что поможет, попросил, чтобы я скинул ему свои данные. Я так и сделал. Стал ждать.

Прогулки по ночному Ростову. Тёплые, немного душно-ватые ночи. С девочкой никакой познакомиться не удалось, да и не пытался, у меня есть Даша.

Ростов – ворота Кавказа! Здесь очень много горцев. Но ведут они себя здесь не так, как у нас. Здесь они как дома, а потому весёлые и дружелюбные. У нас в городе их меньше, на-

верное, поэтому они более агрессивные. Защитная реакция. Всё-таки мой родной Новгород – угрюмый город. Население двести тысяч, молодёжь знает друг друга в лицо, а относится друг к другу с опаской. В Ростове всё наоборот – вот такой вот парадокс.

На следующий день позвонил Рома, сказал, чтоб я собирался – за мной приедет машина. Вот так! Казак всегда поможет казаку! Храни тебя Бог, Рома!

Учебный центр

В КГБ и ГРУ есть целые отделы с прекрасными спецами, а сюда прислали ребят, которые даже в армии не числятся. А если случится что с ними, никто даже пальцем не пошевелит. Всё запачкаться бояться.

Кино про разведчиков

Я сидел у окна и ждал машину. Это был новый «Land cruiser». Водителя звали Тимур. Он был лет на десять старше меня, похож на военного. Я рассказал ему о себе честно, всё как есть!

– Ты вообще понимаешь, куда собрался? Там реально гибнут люди. Там мясо! А ты даже в армии не служил.

– Я понимаю... На всё воля Божья! Значит, это судьба. Я – казак! Да и надоела мне моя жизнь – такая, как она есть. Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга. Хочу, чтоб от меня была хоть какая-то польза.

Мы помолчали. Он улыбнулся:

– Ладно, только про тюрьму свою там, куда я тебя сейчас отвезу, никому не рассказывай.

Мы выехали за город и через какое-то время подъехали к воротам, обтянутым защитной сеткой. Нас встретил камуфлированный парень. Я попрощался с Тимуром, от души пожав ему руку.

Это была какая-то база отдыха. Деревянные двухэтажные домики. Меня провели в беседку к человеку в «горке».

– Здорово живёшь!

– Слава Богу! И тебе здорово. Казак?

– Так точно. Донской.

– Откуда?

Я достал удостоверение казака.

– С Новгорода Великого.

– Великий Новгород? А вече что такое, знаешь?

– Эээ... ну... собрание людей, новгородская демократия.

– Так ты от Николаича?

– То есть?

– Зенчук Дмитрий Николаевич твой атаман?

Он разглядывал моё удостоверение.

– А, ну да. Я числюсь по Воронежской области.

– Сейчас я ему позвоню, – он набрал номер. – Николаич, здорово живешь! Ты мне скажи такой-то Денис, твой казачок? Да, с Новгорода... Ручаешься за него? ... сейчас дам. На, поговори с батькой.

– Здорово живешь, батя! – сказал я, взяв его телефон.

– Слава Богу! – в трубке я узнал голос Зенчука. – Ну что, Денис, всё-таки собрался? Смотри, не подведи там меня! Я поручился за тебя.

– Всё будет хорошо, батя!

– Ну бывай, с Богом!

Мужик в «горке» был Ферзь. После я вкратце рассказал

ему о себе: службе в ВДВ... и тюрьме. Такой вот я – болван и правдолюб: наврал про армию и не смог промолчать о тюремном прошлом. Наверное, хотел добавить себе плюсики.

– Нам *там* воры не нужны! Там и так всё не просто. Как у тебя с дисциплиной?

– Я обещаю, что со мной проблем не будет. Пожалуйста, дайте мне шанс!

В общем, меня взяли. Наверное, помогло слово Дмитрия Николаевича. Как я узнал после, отсеб был очень серьёзный – не брали многих: не брали молодых и с малолетними детьми, без «армейки» не брали, не брали уголовников и бомжей.

Ферзь – личность известная. Походный атаман донских казаков. Участник крымских событий и ещё много чего... Человек положительный во всех отношениях, симпатичный, благородный, образованный, очень деловой. Офицер, одним словом! Похож на русского офицера времён первой мировой войны.

Я заполнил анкету, пропечатал чёрной краской свои папиллярные узоры, сдал все свои документы. Вместе со мной регистрацию проходили люди со Славянска. Человек десять. Обветренные, загорелые, с худыми бицепсами и огромными кулаками. Настоящие русские мужики! С пальцами для откручивания и закручивания гаек без ключей. Возрастом они были от сорока до пятидесяти и смотрели на меня, как на ребёнка. Эти люди приехали *оттуда*, куда я только собирал-

ся. С войны. Со Славянска! Атлетически сложенный девятиношестикилограммовый парень в спортивном костюме, бритый налысо, с набитыми костяшками на руках, я стоял перед ними и видел в их глазах сочувствие. Для них я был мальчишкой, мечтающим поиграть в войнушку.

К слову сказать, я и в самом деле до сих пор ощущаю себя мальчишкой. Мне больше тридцати, но внутри меня живёт семнадцатилетний пацан. И это чувство совершенно реальное. Мысленно возвращаясь в прошлое, я вспоминаю последний день на свободе перед отсидкой, вижу себя как бы со стороны. Мне семнадцать лет. Как будто кто-то сделал кадр на полароид, и я перестал взрослеть. Прошли года. Лагерь, жизнь после: семья, дети (не мои), сейчас вот на войну собираюсь, а мне всё равно семнадцать, как тогда, – и ничего не изменилось. Заметил, что даже всех людей я разделяю на «взрослых» и «ещё нет», даже ровесников.

После регистрации ко мне подошёл высокий поджарый тип. Сказал, что его зовут Терек и он будет моим командиром. Сели в автобус: мужики со Славянска, я, Терек и ещё пятеро. Выехали с базы и поехали в неизвестном направлении. Опустилась ночь. Настолько тёмная! Такие, наверное, бывают только здесь, на Дону.

Через какое-то время мы пересели в военный крытый «Урал». В кузов. Всё как в кино!

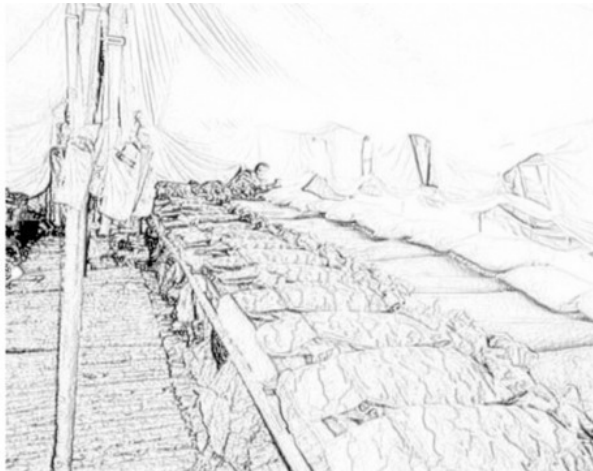
Ну вот, я еду на войну. Куда конкретно, я не знал, мне было всё равно. Ощущения мальчишеские – классно! Трясёт,

качает, пыль! Взгляд на себя, как будто со стороны: щёлк! И этот кадр я запомню.

А всего несколько часов назад я сидел в гостинице! Даже не верится. На кочках и ямах меня швыряет из стороны в сторону. Нас всех. Держимся кто за что. За воздух. Сидишь на бауле и за него же держишься, ноги как распорки. «Приключения начинаются!» – как говорил Д'Артаньян.

Куда-то приехали. Вокруг тьма! Вообще ничего не видно дальше пяти метров. Мы построились. Пришёл какой-то военный и собрал в пакет все наши мобильники. Режим секретности, блин! Ну ладно. Сейчас нас разместят, всё остальное завтра.

Разместили нас в большой армейской палатке, слева и справа деревянные нары, посередине вешалка и лавка на две стороны. Я раскатал матрас и вытянулся. Только бы без вшей и блох, дяденьки военные, только бы без вшей и блох! Уснул сразу.

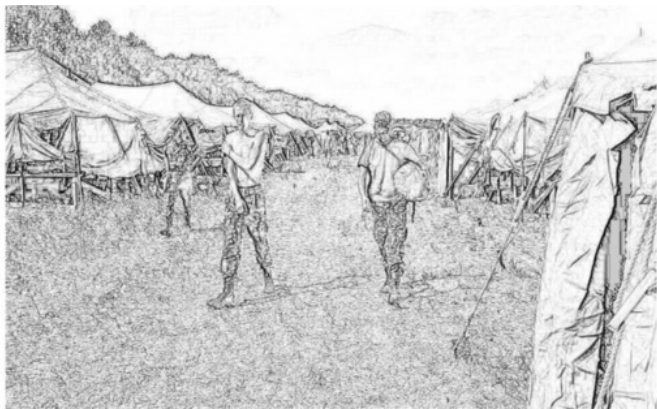
Место, куда мы попали, было самым настоящим полевым военным лагерем. Прикидываю сейчас, что на необъятных просторах Великой России таких лагерей должно быть немало. Об их существовании никто из непосвященных не знает, ни по одним документам они не проходят, на картах не отмечены.

В стороне от населённых пунктов в чистом поле или лесу ставятся военные шатры на двадцать-тридцать человек каждый. Палатка для столовой. Штабные палатки. Передвижной пункт медицинской помощи. Возле палаток – умывальник и летний душ. Поодаль – узел связи. За колючей оградой – оружейный арсенал с постоянным постом охраны. В стороне – туалетная яма. В другом конце – броня (очень мно-

го!), танки, НОНКИ, БМП (это всё лёгкая бронированная гусеничная техника для десанта и пехоты), пушки и даже «Град». По всем подъездным направлениям блокпосты с боевым оружием. Проверка документов и людей. И ни-и-кого постороннего!

«Эй, прохожий, а это точно Россия? Может, мы уже за границей?» – только тебе никто не ответит, потому что «здесь птицы не поют, деревья не растут. И только мы, плечом к плечу, вырастаем в землю тут».

Такие полигоны существуют недолго – два-три месяца. Кто руководит, не знаю, но все инструктора из ГРУ, также полно «фейсов» (так мы называли сотрудников ФСБ). Такое впечатление, что я стал героем книги В. Суворова «Аквариум». А ведь тот всё выдумал, он же предатель и провокатор! *Таких лагерей быть в принципе не может, зачем ты врешь?*

Мы знакомимся с лагерем, а лагерь знакомится с нами, но сначала с каждым из нас знакомится один из таких «важных конторских господ».

Помимо нас уже заселены ещё четыре палатки, и каждый день будут прибывать всё новые и новые люди по десять-двадцать человек. В итоге в лагере будет около шестисот человек. А пока, судя по количеству дерьма в яме, лагерь ещё свеженький.

Нас определили изучать и осваивать противотанковую 100-мм пушку. А тех, что со Славянска, сразу отправили к танкам, они за ними и приехали, как будто бы по приказу самого Стрелкова.

Зарядил сильный ливень. Под проливным дождём мы ползаем по пушке. Как муравьи! Все насквозь промокли, на мне одном дождевик – я хорошо подготовился! Некоторые вообще в тапочках. От дождя чернозём размок и превратился в непроходимое болото. Вязнешь, скользишь, падаешь в грязь. На ногах по шестнадцать килограмм земли плюсом к армейским «крокодилам» (армейские берцы я привёз с собой). Мы разворачивали и сворачивали оружие из походного положения в боевое. Потом стрельба прямой наводкой – без боевой стрельбы, только отработка движений – нам показывают пока сам принцип: заглядываешь в ствол, видишь там воображаемый крестик, направляешь его на цель...

Дождь усилился, всех трясёт, инструктор решил сделать

перерыв. Вернулся Терек и сказал, что мы будем разведкой и пушки таскать нам теперь «на хрен не нужно»: «Всё уже согласовано, завтра пойдём получать оружие и начнём тренироваться. Держитесь за мной!»

Вечером мы от нечего делать изучили работу с миномётом. Перед отбоем Терек объявил, что утром будет общее построение, где нас будут распределять по учебным группам. Когда будет отбор специальностей, мы должны молчать, вперёд не выходить – у нас будет своя программа. Пока нас только семеро. Каждый должен придумать себе короткий позывной. И теперь у нас не будет ни имени, ни фамилии – только позывной. Я назвался «Казачком». Мне сказали, что такой позывной где-то уже есть.

– Тогда Казачок!

– Ха, ну пусть будет Казачок, – сказал Терек.

Другие: Кедр, Сиб, Муха, Чук и Гек.

После отбоя ко мне подсел Терек:

– Казачок, ну, расскажи о себе?

– Так, а что рассказать?

– Ну ты же казак? Донской? Или какой?

– Да, донской!

– А я Терский. Родовой. Мои предки с Терека. Ты как здесь? Чем занимаешься по жизни? Где служил?

– Я не служил. Сидел за мокруху. Ну, так получилось, не хочу об этом.

– О как! А сколько сидел?

– Дали десять, отсидел семь. Вышел по УДО. В охране работаю, в личке.

– В личке с судимостью?

– Уже погашена. Судили по малолетке.

– Нормально. Личка – это очень хорошо. Да, это ничего, я тоже сидел. А здесь-то как?

– Надоело всё! А вообще я людей не очень люблю, – сказал я ему почти шепотом, как бы по секрету, и по-тёплому так посмотрел ему в глаза.

После этого Терек ко мне больше шептаться не подходил, а парням сказал, что я сдвинутый на голову и мне нужно будет выдать пулемёт.

Оружие получили. Мне выдали РПК-74. Состояние всего оружия было ужасное! Не знаю, откуда оно и где хранилось, но стрелять из него страшно. Да и вообще, стреляют ли они, эти ржавые закисшие автоматы? Терек сказал, что потом мы их заменим. Мы принялись приводить свои железки в порядок. А помогут нам в этом машинное масло, керосин, тряпки и песок.

После обеда наш маленький отряд вышел на пристрелку своих стволов – перед употреблением каждый автомат нужно обязательно пристрелять. Пешком три километра полем. Дикое поле! Степь, ветер, ковыль. Здесь на конях, наверное, скакали наши предки и бились с половцами и татарами. А может, от них и произошли. История возникновения казачества – тёмная история! Как и всякая другая.

Правила пристрелки: по четыре патрона на брата. С первого раза ни у кого не получается – старые железки! После пристрелки немного погрели по деревянным человеческим силуэтам, расположенным на дистанциях 100, 200 и 300 метров. Стреляли с положения лёжа. Инструктор правил позы, хват оружия и вообще учил. Я слишком дёргаю спуск, поэтому он поставил мне гильзу на прицельную планку – при спуске курка гильза не должна упасть. Учусь! Гильза падает. Стреляли до темноты. Отстрелял магазин – стрельбу закончил! Отстегнул магазин, дернул затвор – показал патронник! Поставил на предохранитель – иди заряжайся!

Через несколько дней у нас пополнение. Группа с Севастополя. Они также получили оружие, также чистились, также пристреливались.

Начались полноценные занятия. Теперь все передвижения только «боевым порядком». У каждого своё место: контакт с противником, перестроение, стрельба только по своим секторам. Тактические упражнения: противник на двенадцать, на шесть, на три, на девять – ориентирование по часам¹, посадка на «бэху» (боевая машина пехоты) и высадка – в движении. И почти всегда бегом.

Руководил занятиями спецназовец-ГРУшник – парень грамотный, без лишних понтов. Всё расскажет, всё пока-

¹ За основу берётся часовой циферблат: двенадцать – противник прямо перед тобой, шесть – сзади.

жет, пока не научишься делать на четвёрку, не отстанет. Слаживание группы, тактика в поиске и засаде, работа двойками-тройками. Минно-подрывное дело. Оказание первой медицинской помощи и вытаскивание раненого из-под обстрела. И стрельба, стрельба, стрельба. Стреляем очень много и днём, и ночью. Ночью трассерами, после чего всё поле горит и кто-то его потом тушит.

От стрельбы первое время очень болела голова, потом привык. Каждый день приходят новые люди, мы заселили полностью всю палатку и уже следующую. Мужики со Славянска ушли: они недолго были здесь – подготовили танки и в бой. Их ждали *там*, у них не было времени на долгую учёбу. К слову о танках: списанные, убитые 64-ки (Т-64 – советский средний танк Харьковского завода), мужики с ними изрядно повозились, мастера-реставраторы оживили бронированных монстров. Так что воевало в этой войне оружие прошлого века, по крайней мере, с нашей стороны. Металлом плюс терпение и золотые руки мужиков – и старые боевые кони снова в строю.

Конечно, я уставал с непривычки, но мне очень нравилось... Мы все время двигались и почти не останавливались, а во время отдыха чистили оружие. Пришлось отказаться от тяжёлых «крокодилов» – стёр ноги в кровь. Теперь только кроссовки. Наши тренировки были похожи на игру, только оружие настоящее, а мальчики – взрослые дяди, и готовились мы убивать врага по-настоящему. Автоматы были всегда с нами – сдавали мы их только на ночь.

Да, мне нравилась такая жизнь! Под проливным дождём мы бегали по полям, как дикие звери, ползали по траве, потом собирали на себе клещей во время привала, травили байки о гражданке и фантазировали, как мы будем «бить фашистов» (так мы называли украинских националистов). И никакой чуши в голове об айфонах, тачках, шмотках и деньгах.

Ну ещё, конечно, мечтали вслух о бабах! Как же без них? Кто вспоминал, а кто откровенно врал, и это было не важно, всем всё равно было интересно!

Ейск. 726

*Сами не летаем – и другим не даём.
Девиз ПВО*

Новые вводные: некоторых из нас переводят в другое место, меня в том числе. Куда и зачем? Неизвестно...

До свидания, учебка, до свидания, братва, те, кто остаётся здесь, и здравствуй, новое неизвестное.

Мы сдали оружие на склад, собрали вещи в баулы. На военном «Урале» доехали до какой-то деревни, там пересели в ожидавший нас автобус. Теперь уже понятно: мы едем в Ейск², едем долго.

Приехали. Наш автобус уткнулся в высокий забор из бетонных плит и остановился у больших ворот со звёздами – это военная часть. Военная часть в самом городе, учебный центр ПВО. И нас, разведчиков-диверсантов, теперь будут учить сбивать самолёты. Круто!

С солдатами, служащими в части, нам общаться запретили, а также: «Учебный центр не покидать, по территории не ползать!» Но местные солдатики, видимо, знают, кто мы такие, – оглядываются, тайком нас рассматривают. Ещё бы...

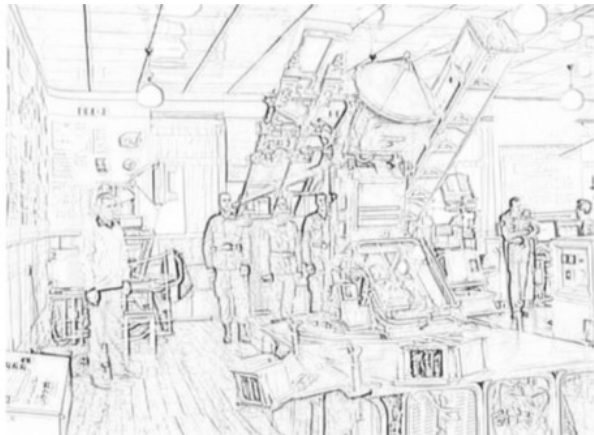
Среди них, кстати, есть и... женщины! А мы уже «голодные»! Ха-ха-ха, ну это я отвлёкся! Да и выглядим мы, конеч-

² Ейск – городок Краснодарского края.

но, соответствующе. Там, на полигоне, это было не так заметно, а здесь, на асфальте, рядом с мирной жизнью – вот она, прямо за забором – мы выглядим дико. Бородатые, обветренные, чёрные от грязи и солнца – ну вылитые моджахеды! Мы ходим вразвалочку и наблюдаем, как тренирует на плацу шаг действующая армия. Я думаю, мы за сутки расстреливаем больше патронов, чем они за год. Ну и что? Это же мы к войне готовимся, а не они!

Приняли душ, помылись тёплой водой. Это реально круто! Если вам стало скучно жить, ничто вас уже не радует, а весь мир – говно, идите и поживите с месяцок в лесу. Там, где нет радостей цивилизации. И всё у вас встанет на место! Будете улыбаться тёплой воде, чашечке кофе и губастой девочке.

Естественно, одного из нас мы сразу заслали в «самоволку» – кофе, шоколад, сигареты. Мы же разведка, для нас заборов не существует, сразу нашли лазейку на свободу! Всё-таки, как говорится, бытие определяет сознание, и с каждым днём мы всё больше и больше превращались в воинов и суперменов.

Нас загнали в учебные классы с плакатами и макетами всякого оружия. На занятиях в классе за партой под монотонный бубнёж офицера я засыпал. Теория – это очень и очень... сонное царство. Никто из нас не мог сидеть ровно. Да, это тебе не на полигоне под дождичком! На втором часу теории я как будто задремал. Меня растолкали – перерыв на обед.

– Прикинь, Казачок, самолёты будем сбивать укроповские! Пацаны говорят, они там как птицы в небе хозяйничают. Ну или эти, там, как их... вертушки.

– Да, я слышал, они полностью контролируют небо. Кстати, на базе был один из Донецка, рассказывал, что за сбитый укроповский самолет или беспилотник «героя» могут дать, да и деньгами вроде нормально порадуют.

– Ну да. А ты попробуй его ещё сбей, они же, как птицы в небе, – маленькие такие! Вон, как воробьи, сможешь в воробья попасть?

– Воробья? – я задумался и вспомнил одну историю из своей юности.

Было это в девяносто шестом году. Я закончил школу, одиннадцать классов, и больше учиться не собирался, считая себя уже вполне созревшим для взрослой жизни. Видел, как живут те, кого называли бандитами и преступными авторитетами, видел, как перед ними заискивали все: менты, бизнесмены, политики. И я, натура впечатлительная, стал мечтать о карьере вора в законе. Для меня в жизни всё было просто и понятно: нужно было только завоевать этот самый «авторитет», а за ним придут уважение, деньги и слава. Так всё и началось – я поставил на чёрное. Чёрная воровская масть!

Блатная романтика захватила меня с головой. Чёрная кожаная куртка, чёрные джинсы, кроссовки, короткая спортивная стрижка, уверенная размашистая походка и взгляд исподлобья, немного с прищуром. Ну и, конечно, нож – мой верный спутник и помощник.

Блатной походкой, песнями Михала Круга и Петлюры всё не ограничилось – я стал искать «тему», с помощью которой можно было бы подняться в иерархии преступного мира. Ну и пришла идея грабить богатые квартиры. Чистить хаты!

Для этого, конечно, мне нужно было найти товарища и подельника. Никто из моих близких друзей не подходил: одни

были с головой в учёбе, ведь нужно было поступать в институт, другие – в спорте. А мне нужен был такой же романтик, как и я.

Так я встретил Слона. Саня по прозвищу Слон – мой бывший школьный товарищ. В детстве он был улыбочивым, добродушным и безобидным лопоухим ребёнком, за что и получил прозвище Слон. После девятого класса он ушёл из нашей школы в путягу, а потом за какую-то мелкую кражу попал в тюрьму, провел там несколько месяцев и получил «условник». Мне, знавшему о тюрьме только по книжкам, он представлялся бывалым и опытным «уркаганом».

– Ну а по фене, Саня, по фене-то научился ботать?

– Ден, мурчать? Ха, да там все говорят на обычном языке, так же, как и здесь. Как мы с тобой.

– Ну а как вообще там, Санёк? Страшно? Расскажи, чё там вообще делают-то?

– Сухари жуют, посидишь – узнаешь! Да на хрена тебе это? Ты же вроде в универ поступать собирался?

– Ага, собирался. Саня, короче, хочешь денег срубить побыстрому в одном месте? Чё, пойдешь со мной? Поможешь – поделим на двоих.

– Это что ещё такое? Ты чё такое придумал? Или подсказал кто?

– Хата есть на примете. Нужно просто чела напрячь, он сам всё отдаст.

– Мужика?

– Да нет. Там пацан, обычный такой, наш ровесник. Лошара! Во-о-обще лошара.

– И чё? У него деньги есть?

– У него батя – валютчик крутой. Лавэ не мерено! Маски наденем, шуганём его – он деньги и отдаст. Ну чё? Как тебе? Не ссышь такие темы?

– Пф. Фильтруй базар, пацан.

– Базарят бабки на базаре, менты и ты.

– О, наблатыкался, я вижу, а раньше был пай-мальчик.

– Так ты давно меня не видел, – я достал нож и стал перекидывать его из одной руки в другую. – Ну чё, ты в теме?

– Ну, всё чётко! Я походу в теме. Когда?

– Так, давай завтра у «Барка» в два часа. Чё тянуть?

На следующий день мы встретились в назначенном месте. Настроение по-детски озорное. Джентльмены удачи подошли к нужному дому, зашли в подъезд.

– Слышь, Ден, а ты чё, без маски будешь?

– Да мне похрен! Он меня всё равно знает. Я ему сейчас такой пи... дам, что он про всех на свете забудет.

– А ты чё на него такой злой?

– Нет, не злой, Саня, у него бабки есть, поэтому пусть делится.

– Ну да, нам деньги нужней.

Мы подошли к квартире.

– Ну звони, Саняга, звони!

Терпилу звали Серый, через дверь он спросил:

– Кто там?

– Серый, привет, это я, Ден, друг Острога, помнишь?

– А! Ща, открываю.

Как только Серый открыл дверь, я протиснулся ему навстречу и вошёл в квартиру.

– Ну привет, чё хотел?

– Да ничего, Серый. Гоп-стоп, мы подошли из-за угла! Ограбить тебя хотим. Не возражаешь? – и мы с Саней заржали.

– Ты чё, гонишь? Это приколы такой?

– Да какой приколы? Я серьёзно, неси сюда бабки!

– Какие бабки, ты чё, спятил?

– Я не шучу, сука! – я резко схватил его за кадык и сжал со всей силы, правой рукой достал из-за пояса нож и приставил кончик лезвия к его морде.

– Я тебе сейчас глаз выколю, Серёжа! Какие уж тут шуточки? Нам нужны деньги твоего бати.

– Вы чего, пацаны?! – захрипел парнишка. – Не надо! Пацаны, не надо! Ну ребята, вы чего?

– Деньги, сука! Деньги!

– Ди-ди-диня, ну т-т-ты ч-чего? – его начало трясти от страха.

– Слоны, давай пока пробежись по комнатам, посмотри, что там есть интересное!

– Ща, я пять сек, – Саня убежал.

Слоны вынес небольшой железный ящик и потрянул его:

– Ден, смотри чё нашёл. Сейф! Тяжелый! Там деньги походу и вроде бы волына, смотри, как стучает.

– Во! Давай, забираем его и рвём когти.

Серёга завыл, опустившись на колени:

– Н-н-нет ребята! Н-н-не надо. Меня же ба-а-атя прибьёт!

– А тебя-то за что? Скажешь, чурки какие-то влетели, избили, а сейф забрали, – я двинул ему коленом в нос, потекла кровь, и он заплакал.

– Нет, Денис, н-н-не надо! Он меня у-у-убьёт! – он начал трястись и заикаться, я слышал, у него такое бывает от сильного волнения, какая-то детская травма.

– Серёга, нам нужны деньги, поэтому мы забираем сейф, а отцу скажешь, как я сказал! Понял? Что это были кавказцы.

– Па-ацаны, только н-н-не сейф. Т-т-только н-н-не сейф.

Я в-вам д-д-деньги д-д-д-дам. С-с-сколько в-в-вам надо?

– Сколько ты дашь?

– С-с-сколько вы х-х-хотите д-дам.

– Каждому по два миллиона, – вмешался Слон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.